

Талина Мугник

доктор филологических наук,
профессор

СОВЕРШЕНСТВО КРУГА

Об одном стихотворении Дюсенбека Накипова

Да, многое узнали бы философы,
согласись они читать поэтов!

Г. Башляр

Образный мир Дюсенбека Накипова, так отчетливо ориентированный на национальные ценности, включающий в себя на всех уровнях поэтики основные атрибуты казахского Космоса в их многоликом выражении, – в то же время настолько богат и многогранен, что, концентрически расширяясь, выводит читателя на такие круги бытия, которые суть вечные проявления человеческого существования. Покажем это на одном – очень характерном – примере. Для удобства изложения стихотворные строки пронумерованы.

А. Дандыгулову

- 1 Там, где я родился и впервые огляделся,
- 2 поднявшись на ближайший холм, –
- 3 степь была похожа на пресную лепешку
- 4 (такие бабушка моя умела печь
- 5 в голубизне углей горячих),
- 6 такой запомнилась – пахучим теплым хлебом.
- 7 С тех пор люблю я то, что кругло:
- 8 задумчивое око жеребенка, коровы выпуклое вымя,
- 9 кольцо долбленной темной чаши
- 10 вокруг вспененного кумыса,
- 11 колпак стожка в извилинах излучистой реки,
- 12 спираль воронки в медленной воде, коловращенье
- 13 желтой пыли, горох, просыпанный овцой,
- 14 горбы курганов, синий омут, где первокочевник-
- 15 ветер бродит и бумерангом брошенный
- 16 ко мне же возвращается мой взгляд.
- 17 Я рос – и в окружении моем безмолвно жили:
- 18 шар одуванчика пушистый, узор витражный паутины,
- 19 пятнистый панцирь черепахи, уютный купол юрты,

20 заземливший канон возвышенный небес,
 21 и в очаге всегда горел огонь, рисуя
 22 в дымном ореоле овалы строгих лиц –
 23 идет священнодействие вечерней трапезы:
 24 ломают плоский хлеб, и в ритме ритуала,
 25 из горсти в горсть, он движется по кругу,
 26 и жернов ночи неспешно мелет зерна звезд.
 27 Я засыпаю тихо, пока вокруг меня кружит
 28 земля без края, Ай-дала,
 29 творящий мой народ и душу мне
 30 гончарный круг степей [1, 141].

Как видим, идея круга проведена через весь текст стихотворения. Круг – универсальный символ, означающий целостность, непрерывность и совершенство. В нем как бы слиты воедино время и пространство; непрерывность круглого олицетворяет бесконечное движение, вечность [2]. Все это волнует воображение. Символика круга проявляет себя в творчестве разных авторов, иногда весьма существенно сказываясь на характере идиостиля (например, А. Блока [3]).

Известно высказывание Ван Гога: «Жизнь, вероятно, кругла». Философ и психолог Г. Башляр цитирует также суждение Ясперса из его книги «Об истине»: «Всякое бытие в себе кажется круглым». «Человеку приятны сферические образы, – продолжает уже сам Башляр, – и особенно образы наполненной округлости... все круглое притягивает ласку» [4, 192]. Вспомним толстовского Платона Каратаева и то, с каким восторженным удивлением Пьер Безухов присматривается к нему: «приятное, успокоительное и круглое» было во всей его фигуре («даже руки, которые он носил, как бы всегда собираясь обнять что-то, были круглые»), в гибких движениях, в певучей речи, закругленной пословицами и присловьями [5, 48–51].

Задиристому поэтическому афоризму юного Павла Когана возражал умудренный жизненным опытом Наум Коржавин:

Но все углы, и все печали,
 И всех противоречий вал
 Я тем большее ощущаю,
 Что с детства полюбил овал.

В анализируемом стихотворении Д. Накипова «все, что кругло» представлено **двумя рядами образов**. В первом идея круга и круговых движений проведена **эксплицитно** – смысл выражен в словарных значениях.

1 *огляделся*, т. е. осмотрелся вокруг (круговые движения головы и тела);
 2 *холм* – округлая возвышенность с пологими склонами (наклонно округлена);
 3 *лепешка* – круглая форма;
 8 *глаз (око)* – округлой формы; вымя коровы также округлое;
 9–10 *чаши* – сосуд округлой формы; деревянный сосуд темнеет от времени; выступающий над поверхностью белого кумыса темный верхний край чаши – *кольцо* (совершенная форма круглого); *кольцо чаши* – удвоение округлости;
 11 *колпак стожка* – метафора, удваивающая округлость; *извилины* – волнистые искривления, изгиб; *излучистый*, от излучина – крутой поворот, изгиб реки;
 12 *спираль воронки* – круговое движение воды и опять метафорическое удвоение круга;

13 овечьи катыши округлой формы («горох»);

14 *горбы курганов* – метафора, удвояющая округлость; *первокочевник-ветер* – кочевье предполагает движение по замкнутому маршруту, что связано с природными циклами и условиями пастбищного скотоводства;

15–16 *бумерангом* – возвращение, обратное движение (свойство круга);

18–19 *шар одуванчика* – сферическая форма шара – наиболее полное воплощение круга; *паутинный узор* – округлой формы, паук плетет его, двигаясь по кругу

20 черепаший *панцирь* – округлой формы, пятна на нем также округлые; *купол* – выпуклая крыша, свод в виде полушария; *купол юрты* – удвоение округлости. Описывая юрту, Г. Гачев подчеркивает наличие тройного яруса: внизу вертикальные жерди стен, следующий ряд – скос, а сверху еще скос. Если в русской избе две грани («стены-щеки и крыша-черепа»), то в юрте – три, «она ближе к шару» [6, 39]. Округлая форма юрты связана с открытостью пространства во все стороны, а Мурат Ауэзов в беседе с Гачевым упоминает еще круговую ориентировку в тактике сражений. Словарь символов поясняет, что округлая форма кочевых шатров и поселений символизирует динамизм и бесконечное движение, в противовес квадратам домов, участкам земли и городам оседлых народов;

23 в *дымном ореоле овалы строгих лиц* – многовещающий образ, значения круга тут преумножены. Овалы лиц (сами по себе округлые) – еще и в «ореоле». Ореол – световая кайма, похожая на сияние, вокруг освещенного предмета – это первое словарное значение, наиболее предметное. Второе – нимб, венец, ср. далее «*священнодействие* вечерней трапезы». В русскоязычном тексте, по соседству с «трапезой», актуализируется христианская символика, и «строгие лица» здесь – иконописны. Третье же значение – «почет, окружающий кого-нибудь» тоже задействовано тут: старейшины семьи, мудрецы-аксакалы. Так расширяются круги и углубляются смыслы;

26 *горсть* – ладонь (округлая) и *согнутые пальцы* (сгиб округляет предмет); горсть округла, по кругу – круг прямо назван;

27 *жернов* – вращающийся мельничный каменный круг; зерно также имеет округлые формы. Образ, дополненный символикой **камня** (твердость, опора, бытие), вдвойне символичен;

28 *вокруг меня кружит* – удвоение круга;

29 *земля без края* (круглая), бесконечность есть признак круга; *Ай-дала* – бесконечная степь *вокруг*; *Ай* – смысл включает округлость (одно из значений – луна). Ср.: Айналайн – обращение к возлюбленной, буквально «*кружусь вокруг тебя*» (см. стихотворение О. Сулейменова с таким заглавием);

31 *гончарный круг степей* – метафора со значением кругового движения.

Кроме перечисленных эксплицитно явленных образов круглого, в тексте стихотворения дополнительно проступает ряд **имплицитно** содержащихся образов того же плана, многократно обогащающих картину.

Проследим их по ходу чтения:

3–5 Сразу после строк о круглом холме и степи, похожей на круглую лепешку, идет вставная конструкция *в круглых скобках* (графически, зрительно дающая форму круглого), содержащая к тому же представление об устраиваемой на земле из круглых камней, обмазанных глиной *круглой тандырной печи*, на внутренних стенках которой («в голубизне углей горячих») пекут лепешки;

8 задумчивое *око* жеребенка – здесь пронизательно избрано не «глаз», а стилистически высокая форма, округлое слово «око» – с двумя «о» по краям;

10 на поверхности *вспененного* кумыса выступают пузырьки (округлой формы), которые мы как будто видим, хотя они не названы; а вспенивается кумыс оттого, что кто-нибудь из домашних помешивает его черпаком – круговые движения руки и черпака (нижняя часть черпака также круглая);

14–15 *первокочевник*-ветер с внутренне заложенным здесь образом возврат многим читателям может напомнить библейское: «идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя» (Екклесиаст, 1:6);

17 в *окружении* – в соответствии с уже сложившейся установкой образный смысл внутренней формы этого слова воспринимается очень отчетливо. Кружение (вращение), между прочим, богато присутствует в личном опыте Накипова – в прошлом артиста балета. На осведомленного читателя этот факт может оказать влияние при восприятии стихотворения;

22 *очаг* располагается в центре круглой юрты. «Центр круга – источник бесконечного вращения времени и пространства» [7, 268]. Сам очаг также имеет круглую форму;

23 *овалы* строгих лиц. Характер типичного казахского лица («приплюснутый нос, уширены скулы и рельеф лица») Г. Гачев возводит к общей идее «космоса кочевника, который имеет фигурую круг» [8, 163];

25 ритуал вечерней трапезы (сидят в *кружок* на кошме или за низким *круглым* столом) обязательно включает чаепитие: в *круглую* пиалу чай наливают понемногу, и каждый раз подающий может сказать несколько добрых слов-пожеланий кому-то из членов семьи или гостей, а юноше что-то вроде назидания – и это все *многократно по кругу* (то же при распитии кумыса). Хотя о чаепитии не упоминается, но эта картина идет в подтексте, она как будто нарисована;

29 Ай-дала – «круглое» слово (А – а – а);

30–31 *гончарный круг* – не только сам по себе круглый, но на нем производят («творят» из глины) круглые предметы. Бог из глины сотворил человека и вдохнул в него душу (ср. «творящий... душу мне», переключка со стихом 24 – «священнодействие»).

Как будто непосредственно об этом тексте сказано выдающимся философом и психологом: «Когда пространство становится ценностью (а есть ли большая ценность, чем глубина сокровенного?) – оно растет» [4, 175]. Ряды перечисляемых поэтом образов, с раннего детства вошедших в его жизнь и ставших сокровенными, растут и расширяются к финалу стихотворения в грандиозно-поэтическую панораму мироздания. Размеренный ритуал вечерней трапезы в родной юрте, лица близких и милых в дымном ореоле домашнего очага – все это как бы само собою переходит в космическую картину: «*жернов ночи* неспешно мелет зерна звезд», «*кружит* земля без края». Заключительный образ исполнен сакрального смысла. Степь как таковая – уже нечто грандиозное и загадочное. Что же после этого «*гончарный круг степей*» (творящий целый народ и каждую душу)?! Глубокая, многоярусная метафора возводит быт в бытие. Маленький мальчик, засыпающий в юрте под общее раскачивание мироздания, сохранит в себе эти ощущения и сумеет потом рассказать нам о них как поэт.

Подчеркнем, что первостепенно значимо в образной структуре стихотворения (даже важнее, чем круглые объекты) – **движение по кругу как метафора кочевой жизни**. С этого все начинается: в первой же строке – *огляделся*. Поскольку это степь с ее плоским ландшафтом, с холма во все стороны виден горизонт – круглая земля и круглое небо, которое ничем не заслонено. Постепенно масштабный спектр движений по кругу расширяется, а к финалу вырастает до круга степей и – до поворота мироздания, астрономического вращения земли и неба вокруг оси.

Можно проследить также **мотив маленького в большом**: маленький мальчик посреди степи, стожок в извилине реки, воронка в медленной воде, пузырьки кумыса в большой круглой чаше, очаг в центре юрты, творимый предмет в центре гончарного круга, маленький мальчик в центре вращающегося мира.

Детство оставляет исключительный глубокий след в жизни каждого человека, независимо от того, в какой мере он это осознает. Для натуры художественно одаренной оно особо значимо, и недаром в первой книге многих писателей материалом становится детство автора, и книги эти иногда остаются лучшими в их творчестве (а порой даже единственными). «Загадочное счастье» детства (Ф. Тютчев) всю жизнь сопровождает нас и по частям разгадывается. Его образы всплывают все отчетливее в зрелые и даже преклонные годы – психологи это специально объясняют.

Поэтизация детства – общечеловеческое свойство, имеющее физиологическую основу. Г. Башляр говорит о «чувственной связи незабываемого тела с незабываемым домом»: «Независимо от воспоминаний родной дом вписан в нас физически» [4, 35]. Погружаясь в текст стихотворения Накипова, мы ощущаем это «шкурой», всем существом, и образы нашего собственного детства пройдут где-то рядом, смутно овеют нас и поучаствуют в той картине, которая здесь рисуется, – воображение и память работают вместе.

Есть еще косвенное свидетельство того, насколько сокровенна для Накипова эта тема и именно такое ее образное воплощение. У анализируемого стихотворения имеется как бы текстовой двойник или пара – в «Поэме Овна» из сборника «Время Ре». Приведем этот фрагмент:

Был ты для ветра перемен лишь шарик одуванчика,
что все еще летит к истокам мальчика,
к горячей пыли летнего пригорка,
а там трава уже по августу пригоркла,
но как-то по-особому призывны
небесные приманчивые зыби,
где затерялся жаворонка посвист,
и явствен паука на ветке паутинный почерк,
в воронке медленной ворчливой струи,
а листья жухлые по ним плывут, как струги...
И вспомнится Иртыш, высокий берег,
и пацанов пузатых веселый говор беглый,
за островом – двойной теченья выгиб,
а дальше, за рекой, большой зеленый выгон:
там лошади с коровами на пару
неспешно выцеловывают травы,
покругно обходя шалаш пастуший... [9, 225]

Как узнаваемы здесь те же выстраиваемые в ряд образы круглого: *шарик одуванчика, пригорок, небесные зыби, паутинный почерк, в воронке медленной ворчливой струи, теченья выгиб*. Тут еще добавились «пузатые пацаны» (такая трогательная деталь) и – совершенно замечательное:

там лошади с коровами на пару
неспешно выцеловывают травы,
покругно обходя шалаш пастуший...

Животные как непрменный атрибут кочевого быта подают и людям пример жизни. «Неспешно» – значит несуетно, спокойно, не стремясь захватить себе побольше (обделить других). И эта достойная медлительность подкреплена здесь протяженным словом (6 слогов) «вы-це-ло-вы-ва-ют» (!) – удивительно точный по образному представлению и такой эмоциональный глагол. А это неспешное круговое движение животных (важнейший атрибут казахского Космоса) воспринимается как символ вечности и совершенства, как сокровенный смысл бытия. Любопытное сравнение делает Г. Гачев: «как жуют травы овцы и кони, так же аксакалы, не торопясь, осмысливают бытие: есть время думать, качаясь в седле» [7, 200]. Кочевой быт устроен так, что значимость животных первостепенна, и такое сравнение несколько не умаляет человека – оно лишь подчеркивает единство природного мира.

В художественной системе анализируемого стихотворения Накипова задействованы и **онтологические образы**: земля, вода, воздух, огонь – четыре стихии. Раскрытие и расшифровка связанных с ними мифосмыслов обогащает интерпретацию. Онтологические образы оказывают воздействие на весь текст, проявляясь более или менее отчетливо в различных его точках – независимо от того, в какой степени этот процесс управляется автором (поскольку каждый человек имеет их в своем сознании). Автор и читатель «вписываются в пространство, где действуют универсальные законы символики и смыслопорождения» [10, 5].

Хотя слово «**земля**» употреблено в стихотворении всего один раз, в значении бескрайнего простора, но (уже и поэтому) к земле приравнена **степь** – мир мальчика и его народа. Сравнение степи с теплой и пахучей бабушкиной лепешкой подспудно означает, что было лето, что холм был нагрет солнцем, а мальчик взошел на него босым. Это – впервые осознаваемое непосредственное соприкосновение с теплой родной землей (в прямом и переносном смысле).

В тепле заложен образ **огня**. А вот он уже и прямо назван: «И в очаге всегда горел огонь...» Негаснувший очаг – свидетельство продолжения жизни, бытия, причастного к вечности. С огнем связана поэтизация быта, прежде всего тех его деталей, которые проникнуты сакральными смыслами (как выпекание хлеба «в голубизне углей горячих») – они участвуют в рисуемой здесь грандиозной картине мироздания.

Вода – одна из основ жизни, ее первородная стихия. Значение воды в условиях степного кочевья очень велико. В анализируемом стихотворении, где представлен мир детства, это «спираль воронки в медленной воде» (на нее тянет до-о-лго смотреть) и «синий омут» (образ сказочный) – омут тоже притягивает своей страшноватой загадочностью. Вода обладает удивительным свойством зеркальности – воссоздает, удваивает тела и предметы. Дети любят изучать отражения и то, что на дне, любят играть с водой, образы воды близки каждому человеку. В других стихотворениях Накипова опоэтизированы Иртыш и речка Иссычка с золотистым песком.

Воздух предстает в анализируемом тексте в облике пыльного вихря («коловращенье желтой пыли»), «первокочевника-ветра» и – к финалу – в образе «души» (Г. Гачев в соответствующем контексте всегда пишет так: «воз-дух»). Все эти образы включены в символику круга (В. В. Бадиков называет «онтологическим» роман Накипова «Круг пепла» и рассматривает «сюжетные круги» в его «концентрической» структуре [11, 240–241]).

На уровне общечеловеческих жизненных ценностей отметим еще **хлеб**. Похожая на лепешку степь такой и запомнилась – «пахучим теплым хлебом» (ср. запахи степных трав; в других стихотворениях Накипова упоминаются как любимое лакомство пахучие семена тмина на корочке лепешки). А когда **преломленный хлеб** (библейский образ) из горсти в горсть движется по кругу в священном обряде вечерней трапезы, он становится в ряд с такими явлениями мироздания, как земля («кружит без края»), как животворящий «гончарный круг степей». Так образная структура стихотворения отражает связь личностного бытия с космическим.

Можно провести, кажется, не столь уж рискованную параллель между совершенством как свойством круга и – совершенством анализируемого текста. Но справедливости ради оговорим две «царапинки». 1. Структура той части фразы, которая составляет две первые строки, противоречит последовательности реальных действий: ведь *сначала* поднялся, а *потом* огляделся. 2. 6-я строка «такой запомнилась – пахучим теплым хлебом» при первочтении подвязывается к предшествующему тексту в скобках, и смысл получается: пахучим хлебом запомнилась бабушка (способствует этому и аналогия форм: «такие» – «такой»). Лишь внимательный анализ фразы, учет запятой после скобок убеждает, что речь идет о степи: такой запомнилась степь.

Вернемся к общей оценке. По многим параметрам мы отмечаем в анализируемом стихотворении **органическое единство содержательного и формального планов**. Некоторые наблюдения такого рода уже были сделаны выше. Теперь существенно дополним их.

Начало и конец стихотворения смыкаются – это **завершенность**, присущая кругу. *Степь* в начале – и *степь* в конце. *Огляделся* и гончарный *круг* перекликаются заключенными в них смыслами и напрямую связаны с идеей круга, пронизывающей все стихотворение, с мотивом кругового движения.

В финале сходятся все ключевые темы: движение по кругу (кружение), милые сердцу круглые объекты, нахождение в центре круга, маленькое в большом.

Непрерывность как признак круглого зрительно, графически представлена монолитностью текста: он **не членится на строфы**.

Общей гармонии служит богатейшая **звукопись**, ощущаемая на протяжении всего стихотворения. В 1-й же строке – внутренняя рифма: *родился – огляделся*. 2-я и 3-я строки – аллитерация на **п**: «поднявшись... степь была похожа на пресную лепешку». Далее эта аллитерация продолжается и параллельно актуализируется новая: *бабушка моя умела печь / в голубизне углей горячих*. С 7-го стиха, начиная перечисление круглого, подчеркнуто **к**: *око жеребенка, / коровы выпуклое вымя, кольцо... вокруг... кумыса / колпак стожка... реки... воронки... курганы... первокочевник... купол... канон... по кругу... вокруг... кружит... без края... круг – т. е. до конца*.

Другие проявления актуализации звукового поля на этом же пространстве также связаны с идеей круглого: **коровы выпуклое вымя** (тройное **вы** читается

и произносится непрерывно – особенно на стыке); в извилинах излучистой; спираль воронки в медленной воде, коловращенье желтой пыли; ветер бродит и бумерангом брошенным, в ритме ритуала, ломают плоский хлеб и др. Звукопись вяжет слова, не дает прерваться бесконечной линии (идея круга): продолжая одну переключку, параллельно подключает другую, которая, нарастая, имеет свое продолжение, а чуть затухает – непрерывность поддерживают уже другие созвучия. И так по всему тексту. Он окутан звукописью, и как бы сам по себе дает установку читать его медленно, «неспешно», подчеркивая звуковую вязь. Таким образом, звукопись тоже придает тексту **монолитность**, как и астрофическая композиция.

Через все стихотворение проходит идея умудренного созерцания: в общении людей между собой, людей с миром (животными, природой, Космосом), собственно в природе и в животном мире. «Задумчивое око жеребенка», «медленная вода», «извилины излучистой реки» (выражение как бы само собой удлинняется, имеет протяженную певучесть), «священнодействие вечерней трапезы» – центральную нагрузку смысла несут **многосложные слова** (ср. у Е. Г. Эткинда: «Медленное слово «медленно», «Быстрое слово «быстро» [12, 162–170]). Ужин «в ритме ритуала» – день окончен, работы завершены, торопиться не надо. Мед-лен-но вращается земля («жернов ночи *неспешно* мелет зерна звезд»). А фундаментально тяжелый «гончарный круг степей» своим торжественным грандиозным кружением уже знаменует вечность.

Реализуя представление о «неспешности» происходящего в быту и в космическом мире, о пространственно-временной протяженности, **замедленный ритм** стихотворения создается также за счет **длинных строк**, в большинстве своем (две трети) ритмически организованных (ямб). Многие стихи – сверхдлинные: от Я6 до Я9. Четыре строки Я4 – с женской клаузулой, как бы тянущей их до Я5, а в 23-м стихе Я6 имеет удлиняющую его дактилическую (!) клаузулу.

Известный стиховед Г. А. Шенгели характеризовал шестистопный ямб как размер «очень гибкий, подвижный и емкий, богатый изобразительными возможностями, приспособленный ко многим структурам русской фразы» [13, 126]. А пятистопный ямб М. Л. Гаспаров связывает с традициями философской и элегической лирики [14, 58].

11, 12 и 17-й стихи в анализируемом тексте вырастают до Я7 без цезуры, остальные семистопные строки членятся цезурой, это еще более замедляет ритм, придавая стихам эпическое звучание, что особенно важно к финалу. 8-й стих – рекордный по длине, в нем девять ямбических стоп с цезурой после пятой, семантически полустиптихия здесь связаны образами животных (жеребенок и корова), близких мальчику кочевого семейства.

Синтаксическое строение текста тоже работает на замедленность ритма и его «кружение». В этом длинном стихотворении – всего 4 предложения, и сочетание их довольно гармонично. Начальное и конечное предложения (соответственно, 6 строк и 4) как бы охватывают *кольцом* основной корпус: второе и третье предложения – оба по 10 строк. С учетом смысловой и формальной структуры это выглядит так:

- 1) ...я родился... – 6
- 2) ...люблю я то... – 10
- 3) Я рос... – 10
- 4) Я засыпаю... – 4

Заметим, что 6 и 4 в сумме составляют 10, а общее количество строк 30 – тоже *круглое* число.

Перечислительные интонации двух длинных центральных фраз с многочисленными однородными членами, с нагнетанием однотипных конструкций, осложненных причастными и деепричастным оборотами, – все эти синтаксические средства (наравне с фонетическими и сугубо стиховыми) выражают раздумье-вспоминаание в замедленном ритме сменяющих друг друга картин.

При том что в тексте прямо названы многие самые простые земные предметы и явления: лепешка, угли, пыль, паутина и т. п., – **общая стилистика стихотворения** высокая (в соответствии с его проблематикой), и с 20-й строки она нарастает крещендо, завершаясь к финалу грандиозно-поэтической метафорой «гончарный круг степей» (о ней мы уже говорили).

Вторая такая же сложная и многоярусная метафора в этом тексте: «купол юрты, / заземливший канон возвышенный небес». Здесь «возвышенный» одновременно вмещает в себя два значения: высоко в пространственном смысле и – в смысле нравственно-этическом. Купол юрты, устремляясь вверх, приобщает тех, кто обитает в ней, к небесам (стилистически *высокая* форма слова «небо»). Но сказано это как бы обратным образом: заземляет небеса! Небо и само имеет круглую форму купола. Словарь символов объясняет: «В исламе круг олицетворяет купол, свод Небес, Свет Божий». Канон небес – заповеданные Богом нормы и правила.

Итак, задействованная на разных уровнях поэтики символика круга сделала текст емким и многогранным.

Бахыт Каирбеков в статье «Лик древней земли» размышляет: «Степь видна и сурку, пограничным столбиком вставшему у своей спасительной норы, и номаду, привставшему на стремянах, и орлу, парящему в вышине. Но кто видел ее во всех ракурсах одновременно, хотя бы на миг один? Вот какой ждешь сегодня всеохватности и прозорливости от наших философов и правителей!» [15, 222].

Может быть, первым это сделал поэт?

ЛИТЕРАТУРА

1. Накипов Д. Песня моллюска: Поэзия. Алматы, 2000.
2. Словарь символов. http://mirslovarei.com/content_sim/krug-397.html
3. Абрамец И. В. Символ «круг» в лирике Александра Блока // Филологические науки. 1984. № 6.
4. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. Москва, 2004.
5. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 4 // Собр. соч.: В 14 т. Т. 7. Москва, 1951.
6. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос. Национальные образы мира. Москва, 2007.
7. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. Москва, 1999.
8. Гачев Г. Д. Путешествие в казахский космос. Семей, 2002.
9. Накипов Д. Время Ре: Книга поэм. Алматы, 2009.
10. Карасев Л. В. Онтологический взгляд на русскую литературу. Москва, 1995.
11. Бадиков В. В. По гамбургскому счету. Алматы, 2008.
12. Эткинд Е. Г. Разговор о стихах. Москва, 1970.
13. Шенгели Г. А. Техника стиха. Москва, 1960.
14. Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. Москва, 1974.
15. Каирбеков Б. Биография алматинца. Алматы, 2005.

